

Принцип согласованности в теории социального развития

Евгений Всеволодович Балацкий

Финансовый университет при Правительстве РФ

Центральный экономико-математический институт РАН, г. Москва, Россия, e-mail: evbalatsky@inbox.ru

Цитирование: Балацкий, Е.В (2021). Принцип согласованности в теории социального развития // *Terra Economicus* 19(1): 36–52. DOI: 10.18522/2073-6606-2021-19-1-36-52

В статье предпринимается попытка развития поликаузальной общей теории социального развития, в которой экономический рост зависит от четырех групп факторов: технологий, институтов, культуры и благосостояния. Для этого вводится в рассмотрение принцип согласованности, в соответствии с которым темпы экономического роста положительно зависят от высокой согласованности в уровне развития перечисленных четырех групп факторов. Данный принцип выступает в качестве важного элемента новой поликаузальной теории. Принципиально новое, вносимое принципом согласованности в экономическую теорию, состоит в том, что в соответствии с ним экономический рост зависит не только от уровня развития рассматриваемых четырех групп факторов, но и от степени синхронизации их совместной динамики. Другим важным положением, позволяющим сделать теорию социального развития более полной и законченной, выступает модель А. Тойнби «Вызов – Ответ», которая объясняет ключевые моменты в развитии цивилизаций и позволяет дать новую интерпретацию развития многих стран. Именно комбинация уровней развития технологий, институтов, культуры и благосостояния порождает те или иные институты власти, конкуренции и сотрудничества. В работе подчеркивается свойство асимметричности модели А. Тойнби и принципа согласованности: в случае эволюции социальной системы обеспечение указанного принципа требует больших усилий и управленческого искусства; в случае социального регресса этот принцип действует автоматически. В качестве стилизованных примеров, позволяющих максимально ярко проиллюстрировать принцип согласованности, рассматриваются феномен подъема Европы в конце Средневековья, полувековые успехи СССР, а также развал Советского Союза и неудачная модернизация Ирана времен шаха Мохаммеда Реза Пехлеви. Обосновывается возможность количественного измерения принципа согласованности.

Ключевые слова: теория социального развития; принцип согласованности; модель «Вызов – Ответ»

Благодарность: Статья подготовлена в рамках государственного задания Правительства Российской Федерации Финансовому университету на 2021 год по теме «Технологические, структурные и социальные факторы долгосрочного экономического роста» (шифр проекта: АААА-А19-11908090043-0).

The principle of consistency in social development theory

Evgeniy V. Balatskiy

Financial University; Central Economics and Mathematics Institute, RAS Moscow, Russia
e-mail: evbalatsky@inbox.ru

Citation: Balatskiy, E.V. (2021). The principle of consistency in social development theory. *Terra Economicus* 19(1): 36–52. (In Russian.) DOI: 10.18522/2073-6606-2021-19-1-36-52

The article develops a polycasual general theory of social development, which treats economic growth as dependent on four groups of factors: technology, institutions, culture and welfare. The consistency principle states that economic growth is also affected by the dynamics of these factors, with the degree of synchronization of their change as the important feature. This article also relies upon the “Challenge-Response” model by A. Toynbee to explain the major milestones of the civilizations and provide new interpretation of history of many countries. Combination of levels of technological development, institutions, culture, and well-being gives rise to certain institutions of power, competition, and cooperation. The paper emphasizes asymmetry as the characteristic within the Toynbee’s model, as well as the principle of consistency: when social system evolves, this principle requires great effort and managerial skill; in the case of social regression, this principle acts automatically. To illustrate the principle of consistency, several cases are analyzed, including the rise of Europe in the Late Medieval Period, half of the successes of the USSR and the collapse of the Soviet Union, and failed modernization attempt in Iran during the reign of Mohammad Reza Shah Pahlavi. Perspectives for quantitative measurement of the consistency principle are discussed.

Keywords: theory of social development; principle of consistency; challenge–response model

Acknowledgements: The article is supported by the government of the Russian Federation, state task to the Financial University for 2021 “Technological, structural and social factors of long-term economic growth” (AAAA-A19–119080990043–0).

JEL codes: P30, O11, O41, O47

Введение: от монокаузальных к поликаузальным концепциям

В настоящее время разворачивается своеобразное соревнование между представителями социальных наук по созданию общей теории социального развития. Вряд ли будет преувеличением сказать, что работы в этом направлении находятся в авангарде современного социального знания. Можно констатировать, что поток работ в указанном направлении прошел две стадии. Для первой характерны попытки построения интегральных монокаузальных теорий, в которых вся социальная эволюция человечества сводилась к одной – главной и определяющей – группе факторов; для второй стадии характерен принципиальный отказ от монокаузальных схем и конструирование поликаузальных концепций. Указанный методологический переход по своей сути является инновационным, так как в этом случае де-факто признается отказ от простых монокаузальных теорий в пользу более сложных поликаузальных.

Для понимания аналитических выражений в названном теоретическом направлении укажем лишь наиболее ярких представителей монокаузальных концепций. Как справедливо отмечал В. Полтерович (Полтерович, 2018а), наиболее ярким проявлением междисциплинарного исследовательского тренда последних лет по построению общей теории социального развития стали четыре концепции, принадлежащие Дж. Даймонду, Д. Норту, Дж. Уоллису и Б. Вайнгасту, Д. Аджемоглу и Дж. Робинсону, и К. Вельцелю. Однако к названным авторам следует добавить таких зарубежных уче-

ных, как Э. Фромм и Л. Харрисон, а также отечественных исследователей – В. Полтеровича, С. Кирдину-Чэндлер, Н. Плискевич и др. Каждый из указанных исследователей придерживался определенных пристрастий в выборе факторов, объясняющих социальную динамику. Так, наиболее глобальной, фундированной и обоснованной является «географическая» теория Дж. Даймонда, суть которой сводится к тому, что приоритет Евразийского континента в социальном развитии был предопределен благоприятными природными факторами (Даймонд, 2010). Существенным дополнением географической концепции Даймонда явилась статья С.Г. Кирдиной-Чэндлер (2018), в которой проведены масштабные расчеты на большой выборке стран, доказывающие, что тип институтов – рыночный или нерыночный – в конечном счете определяется узким набором географических характеристик.

Противостоит географической концепции Даймонда институциональная теория Д. Аджемоглу и Д. Робинсона, которая делает акцент на приоритете институционального фактора в общей теории социального развития. Согласно их концепции, экономический успех или неудача той или иной социальной системы зависит от того, какие институты преобладают в ней – инклюзивные или экстрактивные (Аджемоглу, Робинсон, 2015). Еще более ранней версией институционального детерминизма явилась теория насилия Норта – Уоллиса – Вайнгаста (Норт и др., 2011; Норт и др., 2012), в которой вводятся понятия системы свободного доступа и системы ограниченного доступа к ресурсам и благам, что очень сильно коррелирует с инклюзивными и экстрактивными институтами в концепции Аджемоглу – Робинсона (Fukuyama, 2012). Такая логика предполагает, что гражданская культура оказывается вторичным явлением, а не первичным фактором развития, в котором феномен доброй воли просвещенного реформатора является неотъемлемым фактором успешных институциональных реформ (Харрисон, 2008).

Фактор культуры в качестве главной движущей силы социальной эволюции давно продвигается научным сообществом. В некоторых случаях данная дискуссия имеет место в серии работ, в которых рассматривается значение различных срезов культуры (см., например, Goldschmidt et al., 2006). На этом поле «конкурируют» теории о социальном доверии Ф. Фукуямы, М. Грондоны и Дж. Северски в рамках представлений «культуры как экономики» (Ramosca, 2010). Есть и работы, доказывающие ущербность самого эвфемизма «культура в экономике» и показывающие, что культура изначально значительно шире понятия экономики (Karimzadi, 2019). В рамках такого представления в работе (Van Der Borg, Russo, 2005) рассматривается не только влияние культуры на траектории экономического развития европейских городов, но и вводится понятие «экономики, ориентированной на культуру». Пытаясь подчеркнуть роль и значение данного фактора, некоторые авторы вводят такое понятие, как «экзогенная составляющая культуры, обусловленная историей», осуществляют ее оценку и показывают корреляцию данного компонента с уровнем экономического развития регионов на примере Европы (Tabellini, 2010). В некоторых работах авторы довольно убедительно доказывают, что, несмотря на схожесть условий окружающей среды, регионы США, населенные немецкими переселенцами-католиками, имели совершенно иную модель сельского хозяйства, структуру собственности и женскую фертильность по сравнению с колонистами других национальностей, причем эта разница сохранялась более ста лет (Guiso et al., 2006).

Однако наибольшее развитие концепция фактора культуры в качестве определяющего получила в работе К. Вельцеля (2017). Согласно его теории, в процессе социальной эволюции действует так называемая *лестница полезности*, состоящая в том, что рост интеллектуальных, коммуникативных и материальных *ресурсов* ведет к формированию общих эмансипативных *ценностей* (стремление к свободе), которые порождают коллективные действия по обеспечению властями правовых (институциональных) *гарантий* свобод. Благодаря этому высвобождаются творческие способности людей, что способствует техническому прогрессу, обеспечивающему рост ресурсов, – и цикл повторяется. Похожая логика присуща монографиям Д. Лала (Лал, 2007) и отчасти П. Петракиса (Petraakis, 2014).

Сильным контраргументом против теории Вельцеля выступает положение Д. Норта о двойственной природе институтов (Норт, 2010), получившее дополнительное развитие в политической теории Д. Дзоло. Согласно последней государство в процессе регулирования должно осуществить балансировку полярных ценностей – *безопасности* и *свободы* граждан (Дзоло, 2010). Причем институты в первую очередь должны обеспечивать *общественный порядок* посредством *ограниче-*

ний и лишь затем индивидуальную свободу за счет формирования системы стимулов, раскрепощающих творческую инициативу людей. Но на практике правящая элита нередко ограничивается первым требованием и откладывает на неопределенный срок выполнение второго. Такие случаи имеют место при различных формах политической диктатуры и реализации стратегий «особого пути» (Плискевич, 2019). В этом контексте становится очевидным, что свобода является всего лишь следствием эффективных институтов. Более того, в работе (Балацкий, Екимова, 2016) показано, что институциональные реформы в транзитивных экономиках идут, как правило, в строгой закономерности: сначала обеспечиваются основные гарантии и только потом – свободы.

Тщательный анализ указанных концепций показал, что, во-первых, монокаузальные схемы не способны объяснить основные выражения социальной эволюции (Полтерович, 2018а), а во-вторых, сами эти теории, строго говоря, не являются монокаузальными в силу того, что в них в неявном виде фигурируют другие факторы (Балацкий, 2019). Осознание данных моментов привело к попыткам построения поликаузальной теории социального развития. Одной из первых таких попыток стала концепция Полтеровича, которую мы в дальнейшем будем называть *теорией сотрудничества*, поскольку в ее основе лежит, по терминологии самого автора, философия сотрудничества между людьми и социальными группами (Полтерович, 2018b). Теория сотрудничества предлагает рассмотрение эволюции общества как результата взаимообусловленного изменения культуры, институтов, технического прогресса и уровня благосостояния в контексте трех основных механизмов взаимодействия (координации) субъектов – конкуренции, власти и сотрудничества. При этом различаются два типа развития – догоняющее и лидирующее¹. Под влиянием перечисленных выше четырех факторов на каждом этапе эволюции возникают конкретные формы и сочетания трех механизмов взаимодействия, а скорость их формирования зависит от географического фактора. Первая несущая конструкция данной теории – принцип взаимосвязанного изменения основных групп факторов – в неявной форме была обозначена в более ранней статье (Полтерович, 2002) и развита в работе (Полтерович, 2016а), а вторая – определяющая роль в эволюции общества механизмов взаимодействия – предложена в (Полтерович, 2016b); окончательный синтез указанных двух положений был осуществлен в (Полтерович, 2018b).

В работе (Екимова, 2019) был подтвержден методологический разворот от моно- к поликаузальным теориям в качестве генерального направления современной экономической теории. Одновременно с этим теория сотрудничества стала постепенно достраиваться. В частности, на основе работ Э. Фромма (Фромм, 2012) был реконструирован весь цикл принуждения, который включает как восходящую кривую уровня властного принуждения, характерную для древних сообществ *партнерства*, так и нисходящую для более зрелого общества *владычества* (Маккенна, 1995). Кроме того, в статье (Балацкий, Плискевич, 2017) был введен в оборот *принцип согласованности (соответствия)* (ПС), согласно которому темпы экономического роста зависят от степени согласованности между уровнями *технологического, институционального и культурного* развития страны. В более полной формулировке, восходящей к набору факторов у Полтеровича, можно добавить еще одну детерминанту – *уровень благосостояния общества*. Если между указанными четырьмя группами факторов наблюдается серьезное рассогласование, то экономический рост становится затруднительным, медленным или даже невозможным.

Дело в том, что поликаузальная схема с самого начала является намного сложнее монокаузальной, что и делает ее использование крайне нежелательным. Вместе с тем ПС, на наш взгляд, является тем ключом, который позволяет системно и относительно просто объяснить успехи и неудачи различных государств на протяжении определенных исторических отрезков времени. Цель статьи – раскрыть сущность принципа согласованности и продемонстрировать на конкретных примерах его когнитивный потенциал.

Принцип согласованности

Ниже мы наметим общие контуры простой поликаузальной теории экономического роста. На качественном уровне это позволит нам проводить в дальнейшем содержательный анализ; в будущем предполагается формализация предлагаемой теории.

¹ Догоняющие и лидирующие стратегии развития предполагают цивилизационный прогресс. В принципе в мире имеется большая группа стран, которые можно было бы назвать депрессивными, ибо для них требование прогресса не выполняется. В связи с этим далее мы не будем учитывать указанную третью группу стран, так как эволюционные процессы в них отсутствуют.

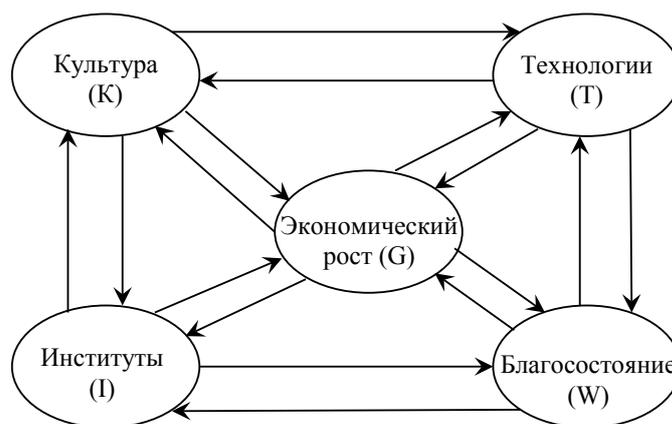

Рис. 1. Схема действия принципа согласованности

Предположим, что уровень развития обозначенных четырех факторов может быть измерен. Тогда будем использовать обозначения: K – средний уровень культуры населения страны; T – средний уровень технологического развития национальной экономики; I – средний уровень развития (эффективности) институтов; W – средний уровень благосостояния населения; G – темп экономического роста². Схема перекрестного взаимодействия перечисленных факторов приведена на рис. 1. Будем полагать, что все переменные могут быть количественно оценены, в связи с чем данный аспект не является камнем преткновения для дальнейших построений. Тогда ПС позволяет записать некую производственную функцию:

$$G = f(|W - K|, |I - K|, |T - K|). \quad (1)$$

В данной функциональной зависимости увеличение разрыва в уровне развития факторов (независимо от знака!) ведет к снижению темпа экономического роста. Простейшим примером функции с таким свойством может служить обратная зависимость:

$$G = \frac{A}{a|W-K|+b|I-K|+c|T-K|}, \quad (2)$$

где a , b и c – параметры, соизмеряющие влияние рассогласования в развитии разных групп факторов; A – масштабирующий параметр; сравнение разных групп факторов с культурой в (1) и (2) означает, что данный фактор взят в качестве опорного для определения степени рассогласования между всеми факторами; вместо культуры можно было бы взять любую другую группу факторов.

На вербальном уровне зависимость (1) может быть сформулирована следующим образом: темпы экономического роста положительно зависят от степени согласованности между уровнями благосостояния, технологического, институционального и культурного факторов развития страны; рассогласование между уровнями зрелости указанных факторов, наоборот, отрицательно сказывается на экономическом росте. Формально применительно к двум группам факторов данный принцип выглядит следующим образом:

$$\frac{\partial G}{\partial |K-W|} < 0. \quad (3)$$

² Здесь и далее мы следуем традиционному подходу, разделяя между собой культуру и институты, хотя в некоторых работах эти факторы объединяются в один (Alesina, Giuliano, 2015). В связи с этим под институтами мы понимаем *правила игры* (Норт, 2010) или *нормы поведения* больших групп людей (Полтерович, 1999). Под культурой мы вслед за Л. Харрисоном подразумеваем ценности, представления и установки людей (Харрисон, 2008). В более широком контексте под «гражданской культурой» понимают «совокупность отношений индивида к другим индивидам, социальным группам и институтам, его ожиданий, установок и ценностей, а также иных социально-психологических характеристик, определяющих его функционирование в рамках тех или иных институтов» (Полтерович, 2018а: 16).

Аналогичное условие справедливо и для других пар факторов.

Разумеется, схема (1) является предельно агрегированной. В прикладных исследованиях ПС можно дезагрегировать до любого разумного уровня членения изучаемого явления в любом разрезе. Например, на рис. 1 каждый фактор можно разделить на две части, которые имеют принципиальное значение при рассмотрении социальной динамики: культура – на уровень морали (образованности) *властной элиты* и *масс*, технологии – на *военные* и *гражданские*, институты – на *нормы свободы* и *гарантий*, благосостояние – на *духовное* и *материальное*. Теория сотрудничества предполагает дезагрегирование институционального фактора на триаду: механизмы власти, конкуренции и сотрудничества. Тогда экономический рост зависит как от степени согласованности уровня развитости трех типов координации (власти, конкуренции и сотрудничества), так и от уровня развития остальных факторов. Тем самым ПС распространяется как на меж-, так и на внутрифакторные взаимодействия, тем самым нося предельно общий характер и образуя некую социальную универсалию.

Как отмечалось, при желании каждый фактор может быть разделен на множество слагающих его сторон, но аналитическая схема в этом случае станет менее наглядной, в связи с чем мы ограничимся введенным бинарным дезагрегированием четырех факторов и триадой институциональных механизмов взаимодействия. Введение более высокого уровня агрегирования предполагает дополнительные попарные сравнения внутри каждой группы факторов. Например, для бинарного разбиения технологического фактора происходит сравнение уровней развития военных (T_M) и гражданских (T_C) технологий: $|T_M - T_C|$; аналогичные пары составляются для уровня развития культуры, институтов и благосостояния.

Заметим, что на рис. 1 и в формуле (1) определяющие четыре фактора выступают в качестве равноценных, образующих непрерывный контур, в котором в определенные периоды времени некий фактор может становиться доминирующим, но после этого ведущая роль переходит, как правило, к другому фактору. Напомним, что у К. Маркса доминантой развития выступали технологии, а принцип согласованности проявлялся в форме закона соответствия производительных сил (технологий) производственным отношениям (институтам) (Маркс, Энгельс, 1960). У М. Вебера, наоборот, движущей силой выступал духовный фактор и протестантская культура (этика) (Вебер, 2011). Аналогичным образом в авангарде всех социальных и экономических изменений у Ф. Фукуямы выступает доверие, что равносильно культуре взаимодействия индивидуумов и их моральному облику (Фукуяма, 2008). В более общей форме источником исторической динамики Л. Гумилев считал уровень пассионарности нации, обусловленный географическим фактором и, в конечном счете, проявляющийся через активность народа, которая на высших стадиях развития принимает форму духовной развитости индивидов, жестких этических норм и высоких ценностей, вплоть до жертвенности людей во имя высшей идеи (Гумилев, 2016).

Надо сказать, что принцип согласованности в той или иной форме фигурировал у разных авторов и проявлялся в разных контекстах. Например, особое внимание привлекает идея В. Полтеровича о промежуточных институтах (Полтерович, 2006). По его мнению, при заимствовании развивающимися странами прогрессивных институтов развитых государств следует их внедрять не одномоментно, а ступенчато, т.е. путем формирования *промежуточных институтов*, которые, будучи временными вспомогательными нормами, растягивают период адаптации общества к новым правилам; в противном случае разрыв в уровне развития внедряемых институтов и культуры населения может быть столь велик, что приведет к прямо противоположному эффекту – непредсказуемой деформации проектируемой нормы и замедлению экономического роста. В основе идеи промежуточных институтов лежит представление о том, что перспективная институциональная траектория должна быть максимально согласована с ресурсными и технологическими ограничениями и принимать во внимание особенности гражданской и политической культуры (Полтерович, 2006). Несложно видеть, что указанное положение содержательно почти полностью совпадает с принципом согласованности.

В связи со сказанным нельзя не вспомнить разработки относительно сбалансированного экономического роста. Однако эта идея, как правило, имела очень узкое конкретное воплоще-

ние относительно экономических показателей и выступала лишь в качестве предпосылки к ее последующему обобщению – ПС.

Важным свойством ПС является его *асимметричность* – он автоматически работает при деградации социальной системы и, наоборот, его довольно трудно соблюдать при позитивном развитии. Здесь для полноты теории нам необходим еще один принцип развития социальных систем, который был в наиболее четком виде сформулирован А. Тойнби и состоит в том, что цивилизации развиваются в соответствии с моделью «Вызов – Ответ» (Тойнби, 2011). Если общество принимает стоящий перед ним вызов и адекватно отвечает на него, то оно продолжает существовать и развиваться; в случае игнорирования вызова или неудачного ответа на него сообщество деградирует вплоть до полного разрушения. При этом асимметрия принципа «Вызов – Ответ» проявляется в том, что положительный исход абсолютно непредсказуем в силу бесконечного разнообразия решений и свободных актов людей, тогда как отрицательный исход запускает процесс социального разложения, который может считаться автоматическим и имеет тенденцию к единообразию и повторяемости. «...Когда мы детально рассматриваем мертвые или умирающие цивилизации, сравнивая их между собой, мы находим указания на повторяющуюся схему процесса их надлома, упадка и распада» (Тойнби, 2011: 45).

Асимметрия модели «Вызов – Ответ» порождает и асимметрию ПС: любой рост уровня зрелости одного из факторов экономического роста предполагает нестандартные управленческие действия по адаптации других факторов под произошедший прогресс; и, наоборот, провал в уровне какого-то фактора автоматически тянет за собой остальные для выравнивания всего социально-экономического ландшафта. Иными словами, для движения социума вверх нужно приложить массу сил и умения, а движение вниз происходит само по себе.

Заметим, что модель «Вызов – Ответ» является универсальной для эволюционных процессов. Например, Н. Талеб рассматривает аналогичную схему, используя лишь несколько иную терминологию: роль Вызова у него играет *стрессор*, а роль Ответа – процесс *гиперкомпенсации* (Талеб, 2014). Таким образом, триггером для реализации ПС выступает внешнее возмущение. При этом следует иметь в виду простую закономерность: чем масштабнее Вызов (стрессор), тем важнее роль лидера нации и управленческой элиты, ибо именно они должны вовремя осознать возникший вызов и адекватно ответить на него. Иными словами, чем масштабнее проблема, тем большее значение приобретает субъективный фактор.

Для лидирующих стран ПС является механизмом естественной эволюции, тогда как для догоняющих государств он выступает в качестве важнейшего правила проведения реформ. В процессе целенаправленной реализации ПС формируются новые формы власти, конкуренции и сотрудничества. С эволюционной точки зрения ПС образует своего рода «узкое горлышко», через которое могут пройти не все страны, ибо сбалансировать основные стороны общественной жизни чрезвычайно сложно. Именно этим обстоятельством мы склонны объяснять тот поразительный факт, что за послевоенный период зримого прогресса добилось очень небольшое число стран догоняющего типа: Сингапур, Тайвань, Южная Корея, Япония, отчасти Китай и Малайзия. Именно сложность преодоления ПС позволяет нам говорить об «экономическом чуде», когда догоняющее государство быстро выходит на цивилизационное плато.

Качественное и количественное измерение принципа согласованности

Предполагается, что введенный в оборот ПС может использоваться при анализе социальной динамики. Однако проследить выполнение или нарушение данного принципа отнюдь не просто в силу использования весьма абстрактных понятий – уровня развития технологий, институтов, культуры и благосостояния. В связи с этим на практике ПС предполагает *качественное* и *количественное* измерение. В первом случае можно использовать метод стилизованных примеров, которые в наиболее яркой и компактной форме демонстрируют «механику» изучаемого явления (Аджемоглу, Робинсон, 2016; Балацкий, 2015). Данный подход позволяет нарисовать общую картину, определить сущностные моменты и правильно проставить акценты, однако, будучи довольно грубым и неточным аналитическим инструментом, он часто порождает дискуссии от-

носителю интерпретации используемых фактов. Вместе с тем для получения первоначальной модели рассматриваемого явления метод стилизованных примеров является незаменимым инструментом.

Во втором случае все введенные понятия предполагают количественное выражение. К настоящему моменту экономическая наука уже частично освоила измерение таких явлений, как институты и культура. Например, в аналитической практике существует огромное число показателей эффективности институтов; есть и попытки построить интегральные оценки эффективности институционального развития страны (Балацкий, Екимова, 2016). Тем самым количественная оценка институтов уже не является нерешаемой проблемой. Уровень культуры также подвергся оцифровке – это, как правило, показатели, основанные на опросах населения (например, уровень доверия с учетом разных групп респондентов); сюда же попадают разнообразные индикаторы образованности людей и т.п. Технологический фактор является более традиционным, и для его оценки имеется множество ставших уже классическими показателей: капиталовооруженность, производительность труда, многофакторная производительность, затраты на НИОКР и т.п. Уровень благосостояния также имеет множество измерителей – от душевого ВВП и душевого потребления до уровня здоровья и медицинских методов диагностики уровня счастья (Лэйард, 2012).

Таким образом, каждая группа факторов так или иначе может быть количественно оценена с той или иной степенью агрегированности, что позволяет строить зависимости типа (1) и проверять их статистическую состоятельность. Вместе с тем мы отдаем себе отчет, что количественная апробация ПС сопряжена с большими инструментальными трудностями, преодоление которых – вопрос времени.

Отметим следующий важный факт – при встраивании в теорию экономического роста ПС предполагает двухпараметрическое измерение, а именно: уровень развития факторов и степень рассогласованности их уровней. С учетом сказанного функция (2) должна быть обобщена следующим образом:

$$G = A \frac{\alpha K + \beta I + \gamma T + \rho W}{a|W-K| + b|I-K| + c|T-K|}, \quad (4)$$

где α , β , γ и ρ – параметры, учитывающие силу влияния каждой группы факторов; A – как и ранее, масштабирующий коэффициент.

Заметим, что в традиционных производственных функциях и эконометрических моделях роста в той или иной форме используется числитель зависимости (4), тогда как знаменатель или какие-либо иные метрики подобного типа вообще не рассматриваются. Тем самым ПС дополняет традиционные теории экономического роста, но не отрицает и не подменяет их. Вместе с тем вклад ПС в теорию социального развития существенно корректирует традиционные представления об эластичности замещения макрофакторов. Дело в том, что последняя предполагает, что нехватка одного ресурса (например, капитала) может быть компенсирована дополнительным увеличением другого ресурса (например, труда). При этом никаких ограничений на масштаб замещения не накладывается. Однако при более широком рассмотрении экономического роста становится очевидно, что эластичность замещения факторов если и имеет место, то она очень ограничена, а выход за пределы этих ограничений «включает» ПС.

Ниже мы попытаемся проиллюстрировать действие ПС с помощью метода стилизованных примеров. Качественное рассмотрение некоторых историй успеха и неудач можно воспринимать как первый шаг к последующей количественной проверке сформулированного принципа.

Стилизованные примеры

Для большей наглядности рассмотрим два типа примеров – положительные, иллюстрирующие успех государства на основе использования ПС, и отрицательные, демонстрирующие неудачу страны за счет игнорирования ПС.

Подъем Европы. До сих пор вопрос о подъеме Европы и отставании Азии (Китая) в конце Средневековья является одним из самых дискутируемых. На наш взгляд, половину объяснения

этого факта дает Дж. Даймонд, подчеркивающий, что различие в динамике их развития берет начало в географии: Европа характеризовалась изломанной береговой линией, наличием почти изолированных полуостровов и достаточно крупных и близко расположенных к континенту островов, тогда как Китай представлял собой почти гомогенный географический ареал. В результате в Европе сложилось множество политически независимых территорий с собственными языками и этносами, чего не было в Китае (Даймонд, 2010: 526). По Даймонду, Европе была присуща хроническая политическая раздробленность, а Китаю – хроническое политическое единство. В свою очередь, разрозненность Европы логичным образом спровоцировала острую межгосударственную конкуренцию в конце Средневековья, которая и привела к ее превосходству. Иными словами, географический фактор инициировал формирование в Европе разнообразных конкурентных механизмов в дополнение к действовавшим механизмам власти и сотрудничества. Аналогичного взгляда на историю цивилизаций придерживается и Д. Норт, настаивающий на том, что именно конкурентные процессы в Европе привели к появлению в ней более прогрессивных институтов (Норт, 2010). Однако подобные объяснения недостаточны для понимания гетерогенности самого европейского пространства, различий в уровне развития государств Западной и Восточной Европы, а также выхода в лидеры Великобритании, а не какой-либо другой страны.

На наш взгляд, географический фактор действительно повлиял на то, что в небольших европейских государствах абсолютизм был укоренен не в такой степени, как в имперском Китае. Это позволило феодалам более успешно вести борьбу за ограничение власти монарха и вводить новые институты типа парламента. Именно этот шаг ограничил институт власти, расширил границы свободы и в дополнение к межстрановой запустил внутристрановую конкуренцию. Однако вслед за этим пришел в действие ПС. Постоянные войны между государствами запускали модель «Вызов – Ответ» и предьявляли спрос на военные технологии, что порождало сословие инженеров и рост научной культуры. Активная диффузия военных и гражданских технологий выравнивала технологический уровень европейских стран; отказ от заимствования передовых технологий означал для государства поражение в будущей войне. При этом каждый народ вносил свой вклад в технологическое и культурное развитие: Италия дала банковское дело, бухгалтерию и искусство, Португалия – новые приемы навигации и мореходства, Германия – печатный станок и т.д. Однако все эти инновации первоначально были капитализированы не в центрах происхождения, а в странах с более подходящими институтами, которые позволили «втянуть» их в торговый оборот. Наличие технологий и их разработчиков вело к созданию особого института – патентного права с провозглашением результатов интеллектуального труда в качестве рыночной ценности. Развитое кораблестроение и заморская торговля порождали институт страхования морских перевозок, предполагающий сбор и анализ информации о кораблях, грузах, маршрутах, времени пути, кораблекрушениях, повреждениях и т.п. (Норт, 2010: 33). Мореходство и военное дело требовали специального образования, что вело к трансформации школ и университетов. Бизнес-сделки породили систему контрактов, расширение бизнеса приводило к объединению инвесторов и формированию акционерных компаний. Одновременно шло создание кодексов поведения братств, орденов и купеческих гильдий, соблюдение которых обеспечивалось цеховой этикой и механизмом остракизма. Затем эти кодексы модифицировались в торговое право, постепенно слившись с обычным и римским правом, а надзор за их соблюдением взяло на себя государство (Норт, 2010: 190). Моральный кризис католического духовенства привел к появлению протестантизма и ужесточению моральных норм трудового населения. Параллельно происходила «утряска» налогового бремени и политической обстановки: год войны приводил к четырехкратному росту государственных расходов, а чрезмерное повышение налогов грозило мятежом (Норт, 2010: 202). Тем самым финансовые институты выступили ограничителями и стабилизаторами военных действий. В свою очередь, книгопечатание вело к всеобщей грамотности и росту культуры населения, а внедрение технологий и рост производительности труда приводили к более высоким заработкам. Все это породило новую, капиталистическую культуру, состоящую в сведении всего к количеству и абстракции (Фромм, 2005: 131). Подытоживая эту мысль Э. Фромма, можно сказать, что капитализм создал культуру тотального оцифровывания окружающего мира и конкурентной политической среды. Фактически сегодняшняя цифровая революция берет начало в раннем европейском капитализме.

Таким образом, в Европе на протяжении столетий действовала спираль взаимной адаптации четырех групп факторов друг к другу: новые технологии порождали новые отношения между людьми (институты), которые, в свою очередь, требовали более высокой культуры населения, а все вместе это позволяло повышать его уровень благосостояния. Можно сказать, что именно высокая пластичность четырех факторов экономического роста в Европе позволила в полной мере проявиться ПС и тем самым обеспечила ее цивилизационный подъем. Такой органичной взаимной адаптации факторов в Азии не наблюдалось, чем и обусловлено ее отставание.

Особо следует остановиться на том обстоятельстве, что в Европе в период становления капитализма произошло два события: с одной стороны, возросли роль и значение конкурентных институтов по сравнению с институтами власти и сотрудничества, с другой – уровни развития конкурентных и властных механизмов стали лучше соответствовать друг другу, чем в предыдущий период, когда конкуренция специально подавлялась властью. Как справедливо отмечает Дж. Арриги, европейские государства были созданы держателями крупных капиталов в своих интересах (Арриги, 2006). Именно поэтому конкурентные механизмы были гармонично встроены в вертикаль политической власти – новые законы учитывали интересы бизнес-элиты в создании экономических свобод и конкуренции, а властные органы обеспечивали исполнение подобных законов. Апофеозом этого синтеза служит классический афоризм феодальной знати: мы будем выполнять только те законы, которые сами принимаем.

Подъем СССР. Превращение СССР в одно из самых могущественных государств мира на базе нового строя – во всех отношениях беспрецедентное явление. Вместе с тем этот успех был во многом обеспечен грамотным проведением в жизнь ПС. Внедрение институтов новой – социалистической – системы позволило сделать большой шаг в построении разнообразных механизмов сотрудничества, чего не было в капиталистических странах. Причем механизмы сотрудничества распространялись и на отдельные организации и операции, и на регионы страны, и на дружественные страны. Параллельно руководство страны практически все время старалось поддерживать и вводить конкурентные механизмы. Например, наряду с государственными магазинами существовали сельскохозяйственные рынки, на которых был товар более высокого качества, но по более высоким ценам. В сфере гражданского авиастроения была создана беспрецедентная когорта конструкторских бюро, которые самым ожесточенным образом конкурировали между собой: Ильюшин, Антонов, Туполев и Яковлев. До сих пор в стране остались самолеты типа Ил, Ту, Ан и Як. На тот момент подобной корпоративной конкуренции в сфере высоких технологий не было нигде в мире. Не следует забывать и об институте социалистического соревнования и стахановском движении, которые выступали закамуфлированными формами конкуренции сотрудников на рабочем месте.

С самого начала появления нового государства была поставлена цель догоняющего развития для сокращения технологического отставания от развитых стран: уровень развития производительных сил (технологий) должен был соответствовать производственным отношениям (институтам). Для этого массово закупалось импортное оборудование, приглашались иностранные инженеры, была запущена электрификация и индустриализация страны. Параллельно было многое сделано в сфере культуры: введено всеобщее среднее образование и искоренена безграмотность, открыто множество средних и высших учебных заведений, поступление в которые осуществлялось на конкурсной основе, что поддерживало конкуренцию на рынке квалифицированных кадров. Помимо создания бесплатного образования и здравоохранения массово культивировался спорт, для чего было построено множество инфраструктурных объектов. Была развернута инициатива по поиску талантливых и особо одаренных детей, которые затем отправлялись в специализированные школы под патронажем опытных педагогов. Для повышения социальной зрелости и политической лояльности населения в школах было введено обществоведение, а в вузах – философия, политэкономия и основы научного коммунизма. Такие согласованные действия в разных направлениях позволили СССР сделать технологический рывок и первому выйти в космос, создать термоядерную бомбу и построить атомную электростанцию.

Одновременно шло развитие театрального искусства, кинематографа, литературы и музыки. Достаточно напомнить, что в XX веке в сфере классической музыки живые классики оставались

только в СССР – С. Прокофьев, Д. Шостакович, А. Хачатурян, Г. Свиридов и К. Караев. В стране был создан своеобразный культ книги, которая в то время выступала в качестве безоговорочной ценности; СССР превратился в самую читающую страну в мире. В живописи и литературе создается новый жанр – социалистический реализм, который получил международное признание.

Развитие культуры сопровождалось и введением этического кодекса коммуниста; социалистическая мораль стала столь всеобъемлющей, что позволяла вмешиваться в семейные дела и личные отношения. Происходил и рост благосостояния населения; хотя этот уровень в целом был низким, но его рост отрицать невозможно. Особенно выпукло он смотрится на дистанции в 4–5 десятилетий.

По имеющимся оценкам, прогрессивное развитие СССР происходило до 1970-х годов. Это означает, что новое государство на протяжении полувека демонстрировало поразительные успехи, которые не могли быть случайными. Основой этого успеха явилось комплексное развитие всех ключевых подсистем социума в строгом согласии с ПС.

Важным элементом советского феномена являлось почти непрерывное действие модели «Вызов – Ответ». Первым вызовом явилось само появление государства с новым строем, которое нужно было создать и сохранить от быстрого развала. Дополнением к этой проблеме явилось участие страны в Первой мировой войне. Затем в полной мере проявил себя вызов, связанный с технологическим отставанием от европейских стран. Очередным вызовом явилась Вторая мировая война, потребовавшая создания мобилизационной экономики, беспрецедентной по масштабу и эффективности. Сразу после окончания Второй мировой началась эра холодной войны с присущей ей гонкой вооружений и конкуренцией СССР и США за военное доминирование. На все перечисленные вызовы руководство СССР давало весьма адекватные ответы, что и позволяло стране поступательно развиваться.

Распад СССР. Неожиданным продолжением успехов СССР явился его развал в 1991 году. Наше объяснение состоит в том, что с 70-х годов в стране все слабее проявлялся ПС. Если на первом этапе своего существования у СССР была задача адаптировать низкий технологический уровень под новые институты, то на втором этапе, начиная с 70-х, встала обратная задача – приспособить ставшие излишне консервативными и отчасти деградировавшие институты к достигнутому уровню технологического развития. К этому времени многие задачи предыдущего периода были решены, а новые вызовы не возникали или, по крайней мере, были не слишком острыми. К этому моменту накопленный разрыв между уровнем военных и гражданских технологий стал слишком велик и продолжал увеличиваться, что отрицательно сказывалось на благосостоянии населения. Многие механизмы конкуренции либо исчезли, либо претерпели сильную эрозию, сохранившись лишь номинально. Окончательно сложилась экономика дефицита, а вместо конкурентных институтов начал действовать институт блата, личных связей и «телефонного права», который позволял обходить общие нормы и требования. Идеологические ограничения приводили к культурному параличу, когда вместо интересной и разнообразной литературы в книжных магазинах стояли издания К. Маркса, Ф. Энгельса, В. Ленина и материалы партийных съездов и конференций. Многие авторы и их книги, как, например, учебник по экономике П. Самуэльсона и работы З. Фрейда, издавались ограниченным тиражом для служебного пользования; некоторые произведения, как, например, роман Дж. Лондона «Мятеж на “Эльсиноре”», были вообще запрещены. Чтобы купить хорошую книгу, нужно было сдать 20 кг макулатуры и получить соответствующий абонемент; со временем и этот институт деградировал – абонемент можно было купить за приемлемую цену у инсайдеров этой системы.

Избыток занятых и гарантия работы стали провоцировать массовую халтуру и падение трудовой морали, выразившейся в афоризме: они (государство) делают вид, что платят нам, а мы (работники) делаем вид, что работаем. Все более явственно проявлялось неравенство в уровне жизни партийной элиты и остального населения. На старте процессов глобализации страна находилась за «железным занавесом», что знаменовало собой явный перекося в сторону стабильности в ущерб свободам. В этом смысле реформы М. Горбачева были призваны перестроить и обновить старые институты, однако эти преобразования, во-первых, уже были запоздавшими, а во-вторых, проводились с такими ошибками, что исключали какой-либо успех. Типичным при-

мером управленческой нелепости может служить решение о массовой вырубке виноградников в целях борьбы с пьянством. Апофеозом моральной деградации элиты стало молчаливое согласие партийной верхушки с развалом СССР; ее устраивал капитализм с его возможностями легитимного закрепления своих привилегий. Возникший военный путч силовиков был своего рода инерционной реакцией на неадекватное управление генерального секретаря КПСС, но при этом ни один из участников путча не был готов идти в своем протесте до конца, защищая достижения коммунистической партии и нового строя.

После распада СССР перед Россией встал вызов – как сохранить себя и занять достойное место в мировой экономике. Однако на этот вызов она ответила самым неадекватным образом – сворачиванием практически всей промышленности и наукоемкого производства, что автоматически повлекло за собой деградацию науки и высшего образования, потерявших своего потребителя. Более того, идеологическая установка состояла в том, что при крушении социалистической системы сам по себе возникнет рынок, который, в свою очередь, решит все проблемы. Столь нелепый ответ на вызов привел к автоматическому действию ПС в сторону понижения уровня развития всех групп факторов.

Неудачная модернизация Ирана. Наверное, одним из хрестоматийных примеров нарушения ПС может служить попытка модернизации Ирана, предпринятая последним шахом страны Мохаммедом Реза Пехлеви в 1970-х годах. В результате роста цен на нефть ежегодные доходы Ирана от ее экспорта к 1974 году возросли до 20 млрд долл. На волне таких непредвиденных доходов Реза Пехлеви решил за одно поколение превратить Иран в пятое по мощи государство в мире (Капущинский, 2007: 218). Гигантские нефтяные доходы выступили в качестве вызова для руководства страны, предоставляя большие возможности для экономического рывка.

Шах принял этот вызов и начал масштабную индустриализацию и технологическую модернизацию страны. Однако в ходе проведения реформы не были учтены остальные группы факторов развития, в связи с чем возникла вереница ошибок, в итоге ставших фатальными. Глава государства осуществил по всему миру миллионные закупки импортного оборудования и со всех континентов в Иран направились суда с необходимым товаром. Однако вскоре оказалось, что в стране либо нет портов, либо они чрезвычайно малы и являются устаревшими, в связи с чем они физически не могли принять закупленную товарную массу (Капущинский, 2007: 222). В результате сотни судов в ожидании разгрузки простаивали на рейде по полгода, за что Иран выплачивал судовым компаниям миллиард долларов ежегодно. Когда же пароходы разгрузились, то выяснилось, что в стране нет складов, в результате чего под открытым небом оказались миллионы тонн товаров, половина из которых испортилась. Затем обнажилась проблема, связанная с тем, что груз нельзя доставить на места из-за отсутствия в стране необходимого транспорта. Пытаясь решить эту задачу, руководство страны закупило в Европе две тысячи грузовиков, но тут же выяснилось, что в Иране нет водителей. Доставленным для этих целей южнокорейским шоферам в условиях отсутствия контроля начали платить вдвое меньше, чем отечественным, в связи с чем они выразили свой протест, покинув страну. Когда же закупленное оборудование все-таки доставили на места назначения и нужно было начинать монтажные работы, то выяснилось, что в стране нет технологов и инженеров. В возникшей ситуации стало ясно, что для подготовки собственных кадров надо открывать университеты и политехнические институты, однако этот вариант реформы был отвергнут по причине того, что вузы представляют собой очаги вольнодумства и политического недовольства (Капущинский, 2007: 223). Поэтому было принято решение посылать молодежь учиться за границу, в связи с чем более 100 тыс. иранских студентов обучались в Европе и США. Режим политического террора и беззакония в стране привел к тому, что большинство этих студентов не вернулось на родину.

Шахская диктатура и репрессии провоцировали массовую эмиграцию интеллектуалов страны – писателей, поэтов, режиссеров, врачей и т.п. Таким образом, технологическая модернизация сопровождалась уничтожением национальной интеллигенции и культуры (Капущинский, 2007: 224). Чтобы все-таки обеспечить экономику профессионалами, был выбран самый простой путь – из-за рубежа завезли около 700 тыс. специалистов. Данная группа людей заняла привилегированное положение, вызывая у иранцев перманентный комплекс неполноценно-

сти. Проблема дополнялась возникшим разрывом в доходах местных и иностранных граждан. Например, оплата американских офицеров достигала 200 тыс. долл. в год; труд инженеров оплачивался почти столь же щедро, тогда как для местного жителя сумма в 10 долл. была целым состоянием (Капущинский, 2007: 226). Такая политика нагнетала социальное недовольство. Когда же новые фабрики и заводы были построены и запущены, то оказалось, что для их функционирования не хватает электроэнергии, так как в стране современная энергетика отсутствовала, а население отапливало свои жилища сухим навозом (Капущинский, 2007: 227).

Еще большее расточительство Реза Пехлеви позволял в отношении своей армии, которая получала половину от всех нефтяных доходов страны в 20 млрд долл.; остальные деньги шли на экономику. Колоссальные суммы тратились на закупку иностранного вооружения. Например, американский эсминец «Спрюэнс» стоил 338 млн долл., и шах закупил сразу четыре таких корабля. При этом после доставки эсминцев в порт американские офицеры уехали, так как их не хватало для обслуживания своих аналогичных кораблей. В результате новейшие эсминцы долгие годы ржавели у причалов (Капущинский, 2007: 231). Построенные шахом экстрактивные институты приводили к массовой коррупции, хищениям и стратегическим ошибкам.

Таким образом, модернизация Ирана проводилась в режиме политических репрессий и с нарушением ПС. Заимствованные технологии формально позволяли сделать стране экономический рывок, но постоянный политический террор, диктаторский волюнтаризм, демонстративное неравенство между нищим населением и купающимися в роскоши приспешниками шаха, сдерживание культуры и образования, отрицание даже самых элементарных демократических институтов и свобод привело к колоссальному дисбалансу между четырьмя факторами развития. В результате страна вступила на путь автоматического разрушения по Тойнби: не культура, институты и благосостояние подтягивались под современные технологии, а наоборот, технологии ржавели, разрушались и отторгались, возвращая тем самым страну к прежней технологической отсталости, соответствующей существовавшему уровню развития культуры, институтов и благосостояния.

Выше были рассмотрены масштабные события, иллюстрирующие ПС, однако можно привести и более локальные примеры, которые не менее ярко высвечивают роль данного принципа.

Несостоявшееся восстановление могущества США. По утверждению американского президента Д. Трампа, его миссия состояла в том, чтобы снова сделать Америку великой. Эта задача непосредственно возникла в результате пошатнувшейся мировой гегемонии США. Приход на место СССР Китая, который на протяжении десятилетий осуществлял бурное экономическое и технологическое развитие, грозил Америке потерей рынков и технологического лидерства; параллельно европейские страны делали попытки отстоять свой политический суверенитет с вытекающими отсюда последствиями. Этот вызов поставил перед Трампом задачу возврата высокотехнологических рабочих мест из-за рубежа, ограничения притока мигрантов и создания внутри страны новых производств. Однако парадокс американской институциональной системы состоит в том, что она не позволяет быстро и четко ответить на возникший вызов. Система политических сдержек и противовесов, ограничивающая полномочия президента страны и считавшаяся главным институциональным завоеванием США, в критический момент оказалась неадекватной новым реалиям, в связи с чем Трамп четыре года своего срока был вынужден не столько решать стратегические задачи, сколько доказывать свое право на президентское кресло; большинство его инициатив бойкотировалось на региональном уровне. Патовая ситуация в американской политике дошла до абсурда, когда в 2019 году Трамп заявил, что два года президентства у него были «украдены» из-за расследования Мюллера и охоты на ведьм, учиненной демократами, а еще раньше консервативный проповедник и сторонник Трампа Джерри Фолуэлл-младший предлагал компенсировать президенту «потерянное время» (Громов, 2019).

На наш взгляд, в условиях глобального вызова должны укрепляться институты власти, в том числе централизованной, тогда как в США доминируют конкурентные политические механизмы, которые сводят на нет политику президента страны. Таким образом, в США на фоне высокого уровня развития технологий, культуры и благосостояния при спонтанном возникновении глобального вызова оказались неадекватными политические институты, не позволяющие осуще-

ствить консолидацию власти и сгенерировать эффективные мобилизационные действия. Апогея своей недееспособности управленческие институты США достигли в период распространения вируса COVID-19, ввергнувшего страну в хаос и вызвавшего колоссальный экономический ущерб. Завершилась эпопея Дональда Трампа за восстановление величия Америки беспрецедентными нарушениями избирательного процесса во время выборной президентской кампании 2020 года, когда вся правовая системы страны, включая Верховный Суд страны, оказалась парализована и не реагировала на факты злоупотреблений. Новый президент – Джозеф Байден – был выбран благодаря массовым фальсификациям, бесконечным фейк-новостям СМИ и неоднократной блокировке логина действующего президента страны социальными сетями *Twitter* и *Facebook*, а также видеохостингом *YouTube*. Подчеркнем, что вызов часто понижает эффективность какой-либо группы факторов развития и тем самым нарушает сложившийся до этого баланс; именно это и произошло в Америке³. В настоящий момент перезапуск в США нового технологического цикла с сохранением их гегемонии оказывается под вопросом.

Разумеется, можно привести еще множество как положительных, так и отрицательных примеров. Например, довольно сбалансированное во всех отношениях развитие имело место в Южной Корее и Сингапуре. Или, наоборот, создание в нищей Эфиопии в условиях абсолютистской монархии Хайле Селассие первого университета в Аддис-Абебе привело к тому, что новый очаг культуры сразу превратился в оплот политической оппозиции и сыграл свою роль в последующей революции (Капущинский, 2007). Однако даже приведенных примеров достаточно, чтобы проиллюстрировать общую идею ПС.

Заключение: движение к количественной диагностике

ПС может быть использован в качестве объяснительной схемы удач и провалов в развитии разных стран, однако в перспективе он способен стать чем-то большим, а именно инструментом для диагностики болевых точек изучаемых государств. Если правильно определить интегральные показатели уровня развития технологий, институтов, культуры и благосостояния, а также выбрать страну-эталон (например, США или Сингапур), то попарное сравнение данных показателей для рассматриваемой страны и страны-эталона позволит определить, в какой группе факторов имеется наибольший разрыв. Данная информация может использоваться для более правильного определения приоритетов развития государства.

Количественное измерение ПС способно дать информацию правительственным органам, направленную на то, чтобы не увлекаться односторонним развитием страны. Трудно сказать, в каком формализованном виде будет выглядеть общая теория социального развития с учетом количественных параметров ПС, однако уже сейчас ясно, что данный принцип способен стать рабочим инструментом для политиков-реформаторов и позволить избежать множества традиционных ошибок.

Литература / References

- Аджемоглу, Д., Робинсон, Д. (2015). *Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты*. М.: АСТ. [Acemoglu, D., Robinson, D. (2015). *Why some countries are rich and others are poor. The origin of power, prosperity and poverty*. Moscow: AST Publ. (In Russian.)]
- Арриги, Дж. (2006). *Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени*. М.: Территория будущего, 472 с. [Arrighi, G. (2006). *The long twentieth century: Money, power and the origins of our time*. Moscow: Publishing House "Territory of the future", 472 p. (In Russian.)]
- Балацкий, Е.В. (2015). Управленческие парадоксы реформ в университетском секторе // *Журнал Новой экономической ассоциации* **26**(2): 124–149. [Balatsky, E.V. (2015). Managerial paradoxes of reforms in the University sector. *Journal of the New Economic Association* **26**(2): 124–149. (In Russian.)]

³ Похожее явление произошло во время эпидемии коронавируса COVID-19: системы здравоохранения многих стран, ориентированные на амбулаторное лечение, оказались крайне уязвимы к неожиданно появившейся болезни.

- Балацкий, Е.В. (2019). Общая теория социального развития и циклы принуждения // *Общественные науки и современность* (5): 156–174. [Balatsky, E.V. (2019). General theory of social development and cycles of coercion. *Social Sciences and modernity* (5): 156–174. (In Russian.)]
- Балацкий, Е.В., Екимова, Н.А. (2016). *Оценка институционального развития России*. М.: Перо, 263 с. [Balatsky, E.V., Ekimova, N.A. (2016). *Assessment of Russia's institutional development*. Moscow: Pero Publ., 263 p. (In Russian.)]
- Балацкий, Е.В., Плискевич, Н.М. (2017). Экономический рост в условиях экстрактивных институтов: советский парадокс и современные события // *Мир России* (4): 97–117. [Balatsky, E.V., Pliskevich, N.M. (2017). Economic growth in extractive institutions: The Soviet paradox and modern events. *Mir Rossii* (4): 97–117. (In Russian.)]
- Вебер, М. (2011). *Протестантская этика и дух капитализма*. М.: Прогресс, 178 с. [Weber, M. (2011). *Protestant Ethics and the Spirit of Capitalism*. Moscow: Progress Publ., 178 p. (In Russian.)]
- Вельцель, К. (2017). *Рождение свободы*. М.: ВЦИОМ. [Welzel, K. (2017). *Birth of Freedom*. Moscow: Russian Public Opinion Research Center Publ. (In Russian.)]
- Громов, А. (2019). *Шесть пишем, два в уме. Может ли Трамп быть президентом дольше положенных сроков?* (<https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6558714> – дата обращения: 12.02.2020). [Gromov, A. (2019). *Six we write, two in mind. Can trump be President for longer than the allotted time?* (<https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6558714> – accessed 12 February 2020). (In Russian.)]
- Гумилев, Л. (2016). *Этногенез и биосфера Земли*. М.: Айрис-Пресс, 560 с. [Gumilev, L. (2016). *Ethnogenesis and the Earth's Biosphere*. Moscow: Iris-Press, 560 p. (In Russian.)]
- Даймонд, Дж. (2010). *Ружья, микробы и сталь. История человеческих сообществ*. М.: АСТ. [Diamond, D. (2010). *Guns, germs, and steel*. Moscow: AST. (In Russian.)]
- Дзоло, Д. (2010). *Демократия и сложность: реалистический подход*. М.: Изд. дом ГУ – ВШЭ. [Dzolo, D. (2010). *Democracy and complexity: a realistic approach*. Moscow: HSE Publishing House. (In Russian.)]
- Екимова, Н.А. (2019). Поиск факторов социального развития: от монокаузальных концепций к поликаузальным // *Journal of Economic Regulation* **10**(4), 6–21. doi: 10.17835/2078-5429.2019.10.4.006-021 [Ekimova, N.A. (2019). In search of social development factors: From monocausal concepts to polycausal. *Journal of Economic Regulation* **10**(4): 6–21. (In Russian.) doi: 10.17835/2078-5429.2019.10.4.006-021]
- Капуцинский, Р. (2007). *Император. Шихиншах*. М.: Европейские издания, 320 с. [Karpuscinski, R. (2007). *Emperor. Shehenshah*. Moscow: European editions, 320 p. (In Russian.)]
- Кирдина-Чэндлер, С.Г. (2018). Западные и не-западные институциональные модели во времени и пространстве // *Вопросы теоретической экономики* (1): 73–88. [Kirdina-Chandler, S.G. (2018). Western and non-Western institutional models in time and space. *Theoretical Economics – Voprosy Teoreticheskoy Ekonomiki* (1): 73–88. (In Russian.)]
- Лал, Д. (2007). *Непреднамеренные последствия. Влияние обеспеченности факторами производства, культуры и политики на долгосрочные экономические результаты*. М.: ИРИСЭН, 338 с. [Lal, D. (2007). *Unintended Consequence. Influence of Security by Factors of Production, Culture and Politics on Long-Term Economic Results*. Moscow: IRISEN Publ., 338 p. (In Russian.)]
- Лэйард, Р. (2012). *Счастье: уроки новой науки*. М.: Изд. Института Гайдара, 416 с. [Layard, R. (2012). *Happiness: Lessons of a New Science*. Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 416 p. (In Russian.)]
- Маккенна, Т. (1995). *Пища богов*. М.: Издательство Трансперсонального Института. [McKenna, T. (1995). *Food of the Gods*. Moscow: Publishing House of the Transpersonal Institute. (In Russian.)]
- Маркс, К., Энгельс, Ф. (1960). *Сочинения*, т. 23. М.: Государственное издательство политической литературы, 908 с. [Marx, K., Engels, F. (1960). *Writings*, vol. 23. Moscow: Gospolitizdat Publ, 908 p.]

- Норт, Д. (2010). *Понимание процессов экономических изменений*. М.: Издательский дом ГУ – ВШЭ. [North, D. (2010). *Understanding the Processes of Economic Change*. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics. (In Russian.)]
- Норт, Д., Уоллис, Д., Вайнгаст, Б. (2011). *Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества*. М.: Издательство Института Гайдара. [North, D., Wallis, J., Weingast, B. (2011). *Violence and Social Order. Conceptual Framework for Interpreting the Written History of Mankind*. Moscow: Gaidar Institute Publishing House. (In Russian.)]
- Норт, Д., Уоллис, Дж., Уэбб, С., Вайнгаст, Б. (2012). *В тени насилия: уроки для обществ с ограниченным доступом к политической и экономической деятельности*. М.: Изд. дом ВШЭ. [North, D., Wallis, J., Webb, S., Weingast, B. (2012). *In the Shadow of Violence: Lessons for Societies with Limited Access to Political and Economic Activity*. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics. (In Russian.)]
- Плискевич, Н.М. (2019). “Особый путь”: мифы, реальность, поиски выхода // *Мир России* (2): 42–62. [Pliskevich, N.M. (2019). “A special path”: Myths, reality, and the search for a way out. *Mir Rossii* (2): 42–62. (In Russian.)]
- Полтерович, В.М. (1999). Институциональные ловушки и экономические реформы // *Экономика и математические методы* 35(2). [Polterovich, V.M. (1999). Institutional traps and economic reforms. *Economics and Mathematical Methods* 35(2). (In Russian.)]
- Полтерович, В.М. (2002). Политическая культура и трансформационный спад. Комментарий к статье Арье Хиллмана «В пути к земле обетованной» // *Экономика и математические методы* 38(4): 95–103. [Polterovich, V.M. (2002). Political culture and transformational decline. Comment on Aryeh Hillman’s article “on the way to the promised land”. *Economics and Mathematical Methods* 38(4): 95–103. (In Russian.)]
- Полтерович, В.М. (2006). Стратегии институциональных реформ. Перспективные траектории // *Экономика и математические методы* 42(1): 3–18. [Polterovich, V.M. (2006). Strategies for institutional reform. Perspective trajectories. *Economics and Mathematical Methods* 42(1): 3–18. (In Russian.)]
- Полтерович, В.М. (2016а). Институты догоняющего развития (к проекту новой модели экономического развития России) // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз* (5): 88–107. [Polterovich, V.M. (2016a). Institutes of catch-up development (to the project of a new model of economic development in Russia). *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast* (5): 88–107. (In Russian.)]
- Полтерович, В.М. (2016b). Позитивное сотрудничество: факторы и механизмы эволюции // *Вопросы экономики* (11): 1–19. [Polterovich, V.M. (2016b). Positive cooperation: Factors and mechanisms of evolution. *Voprosy Ekonomiki* (11): 1–19. (In Russian.)]
- Полтерович, В.М. (2018а). К общей теории социально-экономического развития. Часть 1. География, институты или культура? // *Вопросы экономики* (11): 1–22. [Polterovich, V.M. (2018a). To the general theory of socio-economic development. Part 1. Geography, institutions, or culture? *Voprosy Ekonomiki* (11): 1–22. (In Russian.)]
- Полтерович, В.М. (2018b). К общей теории социально-экономического развития. Часть 2. Эволюция механизмов координации // *Вопросы экономики* (12): 77–102. [Polterovich, V.M. (2018b). To the general theory of socio-economic development. Part 2. Evolution of coordination mechanisms. *Voprosy Ekonomiki* (12): 77–102. (In Russian.)]
- Талеб, Н.Н. (2014). *Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса*. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 768 с. [Taleb, N.N. (2014). *Antifragility. How to Profit from Chaos*. Moscow: Kolibri Publ., Azbuka-Atticus Publ., 768 p. (In Russian.)]
- Тойнби, А.Дж. (2011). *Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад*. М.: АСТ: Астрель, 318 с. [Toynbee, A.J. (2011). *Civilization before the Court of History. World and the West*. Moscow: AST: Astrel Publ., 318 p. (In Russian.)]

- Фромм, Э. (2005). *Здоровое общество. Догмат о Христе*. М.: АСТ: Транзиткнига, 571 с. [Fromm, E. (2005). *Healthy Society. The dogma of Christ*. Moscow: AST: Transitkniga Publ., 571 p. (In Russian.)]
- Фромм, Э. (2012). *Анатомия человеческой деструктивности*. М.: АСТ: Астрель. [Fromm, E. (2012). *Anatomy of Human Destructiveness*. Moscow: AST: Astrel Publ. (In Russian.)]
- Фукуяма, Ф. (2008). *Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию*. М.: АСТ, 736 с. [Fukuyama, F. (2008). *Trust: Social Virtues and the Path to Prosperity*. Moscow: AST Publ., 736 p. (In Russian.)]
- Харрисон, Л. (2008). *Главная истина либерализма. Как политика может изменить культуру и спасти ее от самой себя*. М.: Новое издательство. [Harrison, L. (2008). *The Main Truth of Liberalism. How Politics can Change Culture and Save it From Itself*. Moscow: New Publishing House. (In Russian.)]
- Alesina, A., Giuliano, P. (2015). Culture and institutions. *Journal of Economic Literature* **53**(4): 898–944.
- Fukuyama, F. (2012). Acemoglu and Robinson on why nations fail. *The American Interest* March 26.
- Goldschmidt, N., Zweynert, J., Nerré, B., et al. (2006). Culture and economics. *Intereconomics* **41**: 176–199. doi:10.1007/s10272-006-0188-1
- Guiso, L., Sapienza, P., Zingales, L. (2006). Does culture affect economic outcomes? *Journal of Economic Perspectives* **20**(2): 23–48.
- Karimzadi, Sh. (2019). Culture in economics. *Advances in Economics and Business* **7**(1): 39–54.
- Petrakis, P.E. (2014). *Culture, Growth and Economic Policy*. Springer, 238 p.
- Ramocka, M. (2010). Culture as an economic growth factor. *The Majopolska school of economics in tarnow, research papers collection* **2**(16): 117–123.
- Tabellini, G. (2010). Culture and institutions: economic development in the regions of Europe. *Journal of the European Economic Association* **8**(4): 677–716.
- Van Der Borg, J., Russo, A.P. (2005). *The impacts of culture on the economic development of cities*. European Institute for Comparative Urban Research, Erasmus University Rotterdam, 395 p.